Привет, ты где?

Автор:
Елена Нестерина

Привет, ты где?

Елена Вячеславовна Нестерина

«Николай никогда не изменял жене и собирался гордиться этим до пенсии. Чтобы, шутил он, как только пенсия наступит, сразу начать изменять, красиво и ярко. За годы семейной жизни Николай озвучивал свой план нечасто, но мысль о том, что он это сделает, ему удалось надёжно укоренить в голове жены. Кто знает, что там случится, за гранью пенсии, и жена его Лариса к этой шутке привыкла. Когда Николай весело подталкивал её локтем и спрашивал: „Ну ведь да, Лорик, ведь да, начну же сразу, ну договорились, помнишь же, да?“ она подтверждала, что да, помнит и с планом согласна. Всем, кто это слушал, казалось, что Николай именно шутит. И только он сам, и на пятьдесят процентов Лариса знали, что нет. Да, сначала думала, что шутит, конечно. Потом не знала, что и думать. А с годами привыкла, что муж не изменяет, и за будущее не опасалась. Так что шутку эту поддерживала охотно…»

Елена Нестерина

Привет, ты где?

Николай никогда не изменял жене и собирался гордиться этим до пенсии. Чтобы, шутил он, как только пенсия наступит, сразу начать изменять, красиво и ярко.

За годы семейной жизни Николай озвучивал свой план нечасто, но мысль о том, что он это сделает, ему удалось надёжно укоренить в голове жены. Кто знает, что там случится, за гранью пенсии, и жена его Лариса к этой шутке привыкла.

Когда Николай весело подталкивал её локтем и спрашивал: «Ну ведь да, Лорик, ведь да, начну же сразу, ну договорились, помнишь же, да?» она подтверждала, что да, помнит и с планом согласна. Всем, кто это слушал, казалось, что Николай именно шутит. И только он сам, и на пятьдесят процентов Лариса знали, что нет. Да, сначала думала, что шутит, конечно. Потом не знала, что и думать. А с годами привыкла, что муж не изменяет, и за будущее не опасалась. Так что шутку эту поддерживала охотно.

У Николая всё было сложнее. Как он свою совесть ни успокаивал, покоя она не знала. Поэтому он искренне интересовался, не станет ли Лариса из-за этого переживать, Лариса каждый раз отвечала, что не станет. Нет, Николай понимал, что на самом деле она, конечно, узнав, расстроится. Иногда он даже представлял себе, насколько сильно расстроится – и тогда истово отрекался от намеченного. Отрекался, ужасался тому, почему он такой слабохарактерный, почему готов отказаться от того, что ещё нескоро произойдёт и неизвестно, произойдёт ли: вдруг или он, или жена до пенсии не доживёт… Потом забывал об этом и вообще ничего про пенсионные шалости не думал.

Вот так они и шутили – друзья семьи то удивлялись, то радовались, как свободно в их семье разговаривают о столь острых проблемах.

На момент начала этой истории до пенсии Николаю оставалось шестнадцать лет и несколько месяцев.

Это ведь много времени, много! Ещё целое поколение может родиться и вырасти. Так что вполне можно завести ребёнка, который к моменту исполнения папиной социально-эротической мечты успел бы получить паспорт гражданина России.

Можно, конечно, но только зачем? Да и дети в семье уже были. Хорошие дети – Полина пятнадцати лет и Игорёк двенадцати. Они жили в большом доме, купленном на деньги, которые заработал папа Коля, ездили на маме в школу, на ней же оттуда возвращались. Но мама Лорик не была угнетённым ишаком. Она занималась семьёй. С удовольствием, с радостью, а потому общий вид имела цветущий, фигуру стройную, а лицо весёлое. Лариса водила большую белую машину и была счастлива. И муж её, и дети – все, все были счастливы. Вокруг бурлило страдание: воевали страны, разводились пары, становились наркоманами дети, их родители проигрывали и пропивали деньги, кто-то умирал, изменял, а в семье Николая и Лорика всё было хо-ро-шо. Спокойные и

ухоженные дети привыкли к позитиву, поэтому во внешней жизни им было легко, а дома приятно. Никто не игнорировал Лорика, не бесил и не унижал Николая, не ущемлял его эго и не топтал харизму.

Все в этой семье друг друга любили, уважали и ценили.

Но однажды Лорик позвонила, просто позвонила своему мужу, как звонила каждый день или даже несколько раз на дню.

– Привет, ты где? – как обычно спросила она.

И Николай разозлился. Хоть был он не на подготовке к эротическо-пенсионной программе, не тренировался в общении с доступными женщинами и даже делами занят не был, а разозлился сильно. Лариса продолжала чирикать в трубку, а Николай вдруг с неприязнью вспомнил, что она всегда об этом спрашивает. Вот обязательно надо ей знать, где он? Ну где он может быть после окончания рабочего дня? Домой направляется! К сожалению, рявкнуть «Какая тебе разница, где я?» – ведь любому нормальному человеку есть разница, где его роднюлечка, – он не мог: Коля и Лорик друг на друга не рявкали. И предположить, что Лорик за Николаем следит, тоже нельзя – потому что ничего она не следит. И никогда не следила. Но вот эта анекдотическая фраза…

Николай благополучно отболтался от своего Лорика. Сел на скамейку у выхода из офиса. И ощутил – мозгом, душой и даже телом, как он от Лорика устал.

Это было так неожиданно, что Николай замер, прислушиваясь к своим ощущениям и придумываясь к мыслям. Представил Лорика – кудрявую, всегда нарядную, хлопотливо-неутомимую. Добрую, да, очень добрую. Спокойную. Она орёт, правда, когда делает уроки с Игорьком, но ведь тот ленив. Николай и сам на него орёт. Но ленив парень несильно, особенно в сравнении с другими. Можно и не орать. А Лариса всегда, когда делает уроки, орёт – на повышенных тонах аффектированно объясняет и причитает, когда Игорёк не понимает.

Для объективности Николай признал, что Лариса хоть и орала, но быстро успокаивалась, успокаивала своего малютку, задабривала его чем-нибудь, сама доделывала за него уроки – и увозила на тренировки. Игорь играл в футбольной команде и подавал надежды. Педагог Лариса была плохой, хоть и старательный.

Хорошо, что Полина училась сама.

Ещё Лариса была плохой дипломат. Тоже старательный, но слабенький. Николай позорился с ней при гостях. Несильно позорился, порой оплошности даже придавали ей очарования, но всё равно дипломат она плохой. Плохой кинокритик, даже на домашнем уровне…

Ларисины недочёты сцепились в паровозик и крутились в голове Николая. Ему приятно было думать о Ларисе плохо. Но быстро стало стыдно.

Ехать домой со стыдом, усталостью от жены и растерянностью перед всем этим Николаю оказалось тяжело, и он долго кружил на машине по городу, стоял в пробках перед светофорами, сворачивал на тех перекрёстках, на которых никогда не сворачивал. И выехал в ближний пригород, где стоял их дом, когда уже стемнело.

Он не мог думать – а это было его главное занятие, этим он зарабатывал на жизнь. На свою, Ларисину, Полинину и Игорькову. Тупое состояние, которое охватило его в связи с женой, сделало Николая молчаливым и рассеянным. Таким он вошёл в свой дом, где его давно ждали. Дети, жилистый Игорь и великовозрастная Полина, радостно выскочили в прихожую. Лариса ничего не заметила, хлопотливо бросилась в объятия, трогательно ворчала, что Коля сегодня задержался, что она соскучилась. Заглядывала в лицо, суетилась, помогала, заботилась…

И понеслось.

Словно глаза открылись у Николая. Он смотрел на ту, что шестнадцать лет жила с ним, и как будто впервые её видел. Видел чересчур широкие для такой хоть и высокой, но совсем не толстой женщины запястья, которые мелькали перед ним утром и вечером за столом, – и ему казалось, что ширина кости – знак нетонкости натуры. А натура Лорик была, конечно, нетонкая. Прямая, как артиллерийский ствол, понимающая только то, что ей говорят, без попытки улавливания оттенков и расшифровки умолчаний, глуповатая, хоть и убийственно ответственная и исполнительная. Фантазии у этой женщины с широкими запястьями не было ни на грош. Фантазии не в выборе занавесок и дизайне интерьеров, не в сексуальных разнообразиях и планировании выходных. Старательная Лариса во всём этом преуспела. А вот неуловимой женской магии

в ней не было, таинственного полёта души. Так, наверное. Да-да, так, – объяснял себе Николай.

Отныне огромное количество времени он проводил в размышлениях. Анализировал, вспоминал, сравнивал и сопоставлял. Да, это не мешало мирно проводить семейные вечера, получать завтраки, ужины и поцелуи, ездить в гости и играть с семьёй на лужайке перед домом в подвижные игры, до которых все были большие охотники. Сексуальная жизнь не сократилась. Тут было странное дело – мысли о Ларисе и общее ощущение от неё становились с каждым днём всё более негативными; разочарование, уныние и скука заполняли существо Николая, когда он общался с женой или просто думал о ней. Но физическая сторона супружеской медали держалась как миленькая. Вот это-то и было странно. Не такая уж Лорик зажигательная штучка. Скорее, посредственная. И к тому же, наверное, ханжа. Но вот тем не менее… Женщинам, был уверен Николай, чтобы они не хандрили, обязательно нужно быть сексуально включёнными. А хандрящий Лорик ему был не нужен – как выстоит дом, если в нём тоскующая хозяйка? «Это для Лорика, – каждый раз в моменты секса думал Николай, – только для Лорика!» Правда, поскольку Николай был честным человеком, ласковые слова, даже для приободрения партнёрши, он из интимных отношений изъял. Секс, и раньше не отягощённый болтовнёй, стал полностью бессловесным. Николай специально стискивал зубы, чтобы случайно не вылетело лживое слово приязни. В этих вещах нельзя врать. Перед самим собой стыдно. А себя Николай уважал. Иначе не выжил бы.

…Он смотрел, как Лорик на празднике новоселья семейной пары, недавно образованной из его старого друга и сторонней молодой женщины, рулит процессом веселья. Неутомимая и утомительная до зубовного скрежета затейница. Почему же ему раньше это нравилось? Песни под гитару – как он мог в этом участвовать? Тоска…

Смотрел Николай, смотрел на свою жену. И думал о том, что единственная его жизнь – единственная, единственная! – пройдёт возле Ларисы. Молодой Ларисы, не очень молодой Ларисы, стареющей Ларисы, старой Ларисы… Всё той же, всё той же Ларисы, Лоры, Лориньки, Лорика. Сам он, конечно, тоже не помолодеет – но ведь это он сам, от себя-то ему никуда не деться. А от Ларисы… Стоп!

А что стоп? Это ведь дети Ларису так любили, что в прямом смысле жить без неё не могли. А Николай мог. И даже хотел.

«Попробовать надо!» – пришла к нему чёткая честная мысль. Вот только как? Командировки были редки, всю жизнь Николай ездил в них с неохотой, скучал там по дому, налаженному быту и сладчайшему уюту, который умела создать Лоринька.

Язык теперь не поворачивался назвать жену Лоринькой. Так, Лорик иногда ещё проскакивал. Но чаще Лариса. Жена моя Лариса. Привет. Привет…

Николай мучился. Ему было стыдно, что он разговаривает с Ларисой хорошо, а думает о ней плохо. Не то чтобы плохо. Объективно. Насколько объективны могут быть его личные субъективные ощущения и реакции.

В эту командировку ехать было не обязательно. Достаточно, что на завод в область сгоняет парочка молодых специалистов. Но Николай поехал сам с помощником. И задержался на неделю.

Жил. Думал. Анализировал. Наблюдал. Прикидывал, на какое мыло можно обменять утомительное собственное шило. Не прямо сейчас обменять, в перспективе.

Да и просто наслаждался одиночеством, сгрузив все дела на помощника.

Решил сувениров не покупать. Обычно он из каждой поездки волок жене какой-нибудь хлам: товары народных промыслов, магнитики, значки, блокноты и ручки. Лора сколько выговаривала: ну Коля, ну зачем так много, ну дорогие же, ну уже некуда девать, Коля, ну… А он всё равно вёз. Потому что порадовать её, дуру, хотел. А теперь что радуй, что не радуй – какая разница? Раньше Николай чувствовал крючок в своём сердце, которым Лора зацепила его и тянула к себе. И он с удовольствием тянулся, а по пути радостно прихватывал сувениры.

В общем, он сидел в командировке, а Лариса названивала. Да как ты, да что ты? Алё-алё, а потом щебечет и щебечет, ну как тут сведёшь отношения к минимуму?

– Про детей, расскажи про детей, – чтобы оставаться честным, неизменно честным перед собой и ввести разговор в не раздражающее его русло, требовал

от Ларисы Николай. Ведь так можно оставаться честным. Про неё слушать удивительно неинтересно, ничего нового. А дети растут, меняются, дети есть дети.

Лариса послушно рассказывала про детей, и теперь Николаю казалось, что и про детей она сообщает как-то бестолково, видит их проблемы со своей приземлённой колокольни. Чей бы рассказ его порадовал, это тоже было неизвестно, но и Лорин был как будто не про его детей.

Возвращение из командировки не принесло радости ни в момент встречи, ни в процесс жизни.

В общем, Николай мучился, а Лорику пора было в отставку.

Как это всё устроить, Николай не представлял. Тем более что ему было сейчас совершенно не до домашней перестройки, дела фирмы требовали его максимальной отдачи. Так что он пропадал на работе. Многим было трудно работать в таком напряжённом ритме, а ему как раз нормально. Как только он оставался наедине с собой, мысли стучали дятлами, совесть жгла, а полное погружение есть полное погружение – никаких посторонних мыслей и чувств. Николай работал как вол. И если бы он сейчас остался один, без службы тыла, которой, конечно, была Лора, это подкосило бы его работоспособность. Так что он неизменно приезжал домой, находил в себе силы говорить спокойные приветливые слова и неизменно, чтобы Лариса не почувствовала женской неполноценности и заброшенности, выполнял супружеский долг. Старательный человек Лариса это по праву заслужила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nesterina_elena/privet-ty-gde

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити